

УДК: 769.2

DOI: 10.24412/2618-9313-2023-223-18-26

К истории графических репрезентаций Китая в российской периодической печати начала XX в.

ЗАХАРЧУК В. В.

Для цитирования

Захарчук В. В. К истории графических репрезентаций Китая в российской периодической печати начала XX в. // Телекинет. 2023. N2(23). С. 18-26.

Сведения об авторе

Владлена Вячеславовна Захарчук, магистр культурологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-6675-8082>

kram18x1@gmail.com

Аффилиация

Российский государственный гуманитарный университет», 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6.

Аннотация

Статья посвящена изучению репрезентации Китая в карикатурах печатных изданий Российской империи на материале восстания ихэтуаней. Исследование журнальных материалов разного характера способствует пониманию механизмов осмысления Другой (китайской) культуры и последующей ее репрезентации. Автор осуществляет обзор исследований на тему карикатуры, описывает контекст, в котором конструировались и транслировались стереотипы представлений о Китае в начале XX века. Карикатура рассматривается в контексте политической пропаганды. Выбор инструментария визуальных исследований, с помощью которого автор предлагает работать с визуальными изображениями, позволяет выявить клише, стереотипы, которые сформировались в отношении китайцев.

Ключевые слова

имагология, карикатура, Китай, периодика Российской империи

Данное издание соблюдает принципы лицензирования контента с помощью лицензии Creative Commons Creative Commons License. This work is licensed under a Creative Commons Attribution-Non-Commercial-NoDerivatives 4.0 International License.

On the History of Graphic Representations of China in the Russian Periodical Press in the Early 20th Century

ZAKHARCHUK, V. V.

For Citation

Zakharchuk, V. V. On the History of Graphic Representations of China in the Russian Periodical Press in the Early 20th Century. *Telekinet*, 2023, no. 2(23), p. 18-26.

About the Contributor

Vladlena Zakharchuk, MA, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0000-6675-8082>

kram18x1@gmail.com

Affiliation

Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047.

Abstract

This article studies the representation of China in caricatures in printed publications of the Russian Empire based on material of the Boxer Rebellion. The study of journal materials of various kinds contributes to understanding the mechanisms of comprehending Another (Chinese) culture and its subsequent representation. The author reviews research on the subject of caricature and describes the context in which stereotypic ideas about China were constructed and communicated in the early 20th century. Caricature is studied in the context of political propaganda. The choice of visual research tools, which the author proposes for working with visual images, allows us to identify clichés and stereotypes that were formed in relation to the Chinese.

Keywords

imagology, caricature, China, periodicals of the Russian Empire

Для того чтобы проанализировать изображения Китая на страницах и обложках иллюстрированных изданий, необходимо обратиться к краткой истории журнальной иллюстрации в России. «Днем Рождения» русской журналистики считается 2 января 1703 г. — в этот день вышел наиболее ранний из дошедших до нас отпечатанный номер газеты «Ведомости» (1703–1727). Первым русским периодическим изданием, основная смысловая нагрузка в котором легла не на текст, а на изобразительный материал, стал этнографический журнал «Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов в Российской империи обретающихся» (1774–1776). Журнал состоял из пяти акварельных гравюр и одной полосы оглавления. В конце XVIII — начале XIX вв. журналов с иллюстрациями становилось все больше, а в середине XIX века появились сатирические журналы, в которых графический и текстовый материал существовали на равных (до этого момента журналы представляли собой альбомы с рисунками и одной подписью). Первым таким изданием стал «Весельчак, журнал всяких разных странностей, светских, литературных, художественных и иных» (1858–1859). С внедрением новых технологий в полиграфическую практику росло число журналов с большим количеством иллюстраций. В 1869 г. появился журнал «Всемирная иллюстрация», служивший иллюстрированной хроникой событий. Родоначальником такого типа изданий был «The Illustrated London News». С развитием журналов менялись и обложки.

Обложки журналов можно условно разделить на три группы согласно классификации обложек книжных изданий А. Сидорова: 1) иллюстративная; 2) декоративная; 3) шрифтовая. Встречаются также обложки с комбинированным видом оформления. Все виды могут быть как рисованными, так и наборными [Основы оформления...]. Введение печатно-издательской обложки в России совпадает с аналогичным нововведением в странах Европы. Первое сюжетное изображение на обложке появилось в XIX веке, в журнале «Аврора» (1805–1806) — это была иллюстрация к повести «Невольники», публиковавшейся в журнале. Одним из первых периодических изданий с цветной обложкой стал «Будильник».

В число иллюстраций, помещенных на страницы журналов, часто входили и карикатуры [Путешествие государя...; Путешествие на Восток...]. История карикатуры в России связана с народными картинками забавного содержания, среди которых встречались также и «шутовские листы политического содержания». С конца XVI — начала XVII вв. в России появляются карикатуры с политическим оттенком; тогда образцы заимствовались с западных оригиналов и переделывались на русские темы. В то время как в Европе уже существовали сатирические издания, на страницах которых постоянно печаталась политическая карикатура, в России только появляются «лубки». Первой политической карикатурой принято считать картину, написанную Г. Скородумовым — «Баланс Европы в 1791 г.». Начало же профессиональной карикатуры в периодической печати России было положено «Журналом карикатур на 1808 г. в лицах» А. Венецианова. К сожалению, журнал был изъят из обращения. Предположительно, императору Александру I не понравился рисунок, изображающий спящего в кабинете вельможу (пока в приемной толпятся просители) [Русская карикатура]. В 1960–1970-х гг. XIX в. появились «Будильник», «Гудок», «Заноза», «Шут», «Стрекоза». С изданиями даже сотрудничали известные художники А. Волков, Н. Иевлев, В. Щиглев, П. Шмельков, А. Богданов.

Политическая карикатура часто выполнялась по схеме: враг внешне омерзительен, черты неприятеля искажались, утрировались. Ситуации, в которых изображали «врага» всегда были нелепыми или безвыходными, а неприятель не обладал достаточным умом и смекалкой, находчивостью и не мог действовать самостоятельно. Изображения нередко сопровождалась язвительными комментариями, стихотворениями и анекдотами. По мнению искусствоведа П. Дульского, текст портит карикатуру, она должна «самостоятельно и без суфлера метко и красноречиво клеймить все, что заслуживает бичевания» [Дульский, с. 19]. Эту точку зрения разделяет и историк русской графики Л. Варшавский. Он считает, что политическая сатира, отраженная через визуальный образ, только тогда достигает задуманной цели, когда понятна без надписей, а ее задача — предложить содержание, производящее большее впечатление, чем статья или сообщение телеграфа [Варшавский]. Карикатуры привлекают внимание читателей, потому что именно в таком формате сообщения автором заранее подчеркнута то, на что необходимо обращать внимание. Карикатурист, используя свой уникальный стиль, представляет уже известные идеи в новом ключе с целью лучшего восприятия выбранного феномена аудиторией, как отмечает специалист по международным отношениям В. Журавлева [Журавлева].

Если обратиться к терминам Р. Барта, карикатура как способ коммуникации, как форма — это миф. Карикатура, как и миф, определяется способом высказывания: это преувеличение черт, явлений, событий, выкручивание ручки экспрессивности до максимума. Выделяемые Бартом в «Мифологиях» «первичная семиологическая система»: означаемое, означающее и знак [Барт, с. 269–270] образуют некую осмысленную связь; знак есть смысл, итог ассоциации понятия и образа. Эту методологию можно применить и к карикатуре. Например, клише образа китайца — коса: ее изображение в карикатуре — означающее, ее существующая принадлежность существующему китайцу — означаемое, а смысл, вкладываемый в эту простую часть внешнего облика обычного жителя Китая при помещении его в журнал в виде части карикатуры — знак, итог ассоциации. В мифе как во вторичной семиологической системе знак становится означающим. В таком случае в изображение косы китайца на карикатуре уже вложен итог ассоциации.

В терминах лингвистики карикатуры с текстом или подписью (находящейся в рамках самой карикатуры) можно рассматривать

как креолизованный текст. Креолизованный текст, или КТ, — «это текст, фактура которого состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, с. 180–181]. Базовой можно считать классификацию КТ, предложенную Е. Анисимовой: 1) тексты с нулевой креолизацией (в них изобразительный компонент не представлен); 2) тексты с частичной креолизацией (в них вербальная часть относительно автономна, независима от изображения, обладает смысловой самостоятельностью вне соотнесения с изобразительной частью и может существовать без нее, а изобразительная часть выступает в качестве сопровождения вербальной части и является факультативным элементом текста); 3) тексты с полной креолизацией (в них вербальная часть не может существовать независимо от изображения; вне изображения она утрачивает свою смысловую целостность и становится непонятной). Выделяются также три типа соотношений вербальной и визуальной составляющих в КТ: это 1) параллельный (обе составляющие полностью совпадают); 2) комплементарный (одна из составляющих частично перекрывает другую); 3) интерпретативный (составляющие не связаны друг с другом содержательно).

Поскольку карикатура подразумевает визуально выраженный текст, в терминах лингвистики она может быть представлена только в виде полностью или частично креолизованного текста. По типу соотношения карикатура может быть как текстом с параллельным соотношением вербальной и визуальной частей, так и текстом с комплементарным соотношением. КТ подразумевает одновременное создание вербальной и невербальной частей. Эта краткая характеристика карикатуры с точки зрения филологии позволит в дальнейшем проанализировать роль вербальной части карикатур (там, где эта часть представлена), а также охарактеризовать соотношение вербальной и невербальной ее частей.

Кроме того, стоит упомянуть, что информация, передаваемая вербально и невербально, может восприниматься зрителем-читателем по-разному.

Карикатура широко исследована в поле политического дискурса. Анализ часто включает в себя категории «Другого», «врага», «пропаганды». В работе Д. Цыкалова карикатура выступает орудием пропаганды со времен М. Лютера [Цыкалов]. В карикатуре зачастую прослеживается двойственность, противопоставление «своих» и «чужих». Первые наделяются позитивными, приятными обществу качествами (патриотизм, самоотверженность, сила, трудолюбие, красота и пр.), вторые — негативными (жестокость, ложь, слабость, лень, уродство и пр.). Отрицательные значения, приписываемые Другим сплывают «нас» [«Враг номер один»]. Противопоставление зачастую выражается через пассивную агрессию или насмешку. Однако в ходе военных действий, революционных настроений и восстаний карикатура способна приобретать свойства снятия напряжения и нейтрализации страха. Помимо этого, карикатура может передавать восхищение, и даже привязанность.

В отличие от карикатур на социальные темы, политическая карикатура точна: в ней могут изображаться конкретные люди (политические лидеры — например, персонаж «Джон Буль» или представители общественного мнения), — кроме того, политическая карикатура подразумевает, что зритель-читатель может опознать изображенную фигуру, тематику, событие. Характер передачи информации с помощью карикатуры не всегда должен быть резкими и прямолинейным, художники зачастую используют тонкие намеки и наводящие на размышления подсказки, чтобы представить свою точку зрения. Так, например, фоновое изображение может содержать деталь, необходимую для верного истолкования значения образа. Используемые стереотипы часто изобретались заново пересобирались, формировались новые клише.

Карикатуры также можно разделить на однокадровые и многокадровые (по типу комиксов). В России преобладают однокадровые рисунки. Такой тип изображения ограничивает художественные средства выразительности и развитие событий рамками одного сюжета. Кроме того, кадр регулирует формат и характер передаваемой информации. Как основная категория текста информация различается по своему прагматическому назначению. Лингвист И. Гальперин [Гальперин, 1981] выделяет 3 вида информации: 1) «содержательно-фактуальная информация» сообщает о фактах, явлениях, событиях, имеющих место быть в реальном или воображаемом мире. В карикатуре это, например, известная о событии «фактическая» информация; 2) «содержательно-концептуальная информация» сообщает об авторском понимании фактуальной информации, отношений между явлениями и событиями. В такой информации есть место интерпретации, она представляет собой «переосмысление указанных отношений, фактов, событий, процессов, происходящих в обществе», замысел автора с его содержательной интерпретацией; 3) «содержательно-подтекстовая информация» сообщает скрытую, дополнительную информацию, для понимания которой необходимо наличие некоторого предзнания у зрителя-читателя. Для карикатуры это — представление аудитории об изображенных фактах, явлениях и событиях, знание персоналий, символики.

Количество информации, заключенной в карикатуре — ее глубинная структура, — обычно не совпадает с количеством знаков, с помощью которых эта информация представлена — с поверхностной структурой: «попросту — слов меньше, чем выражаемых смыслов». Такое несоответствие называют «*семантической экономией*». Несоответствие, при котором в поверхностной структуре представлены несколько элементов, отсылающих к одному значению в глубинной структуре, — «семантическая избыточность». Подписи к карикатурам, как правило, короткие, емкие; это необходимо для создания максимального эффекта визуально-образной репрезентации. Визуальный канал информации доминирует над вербальным. Информация, заложенная в креолизованном тексте — карикатуре, предполагает двойное декодирование обеих составляющих, но в силу целостности и связанности воспринимается как «некий единый смысл», цельный образ.

Образ как субъективная ментальная категория соотносится с действительностью и обуславливается индивидуальностью восприятия. Представленный в карикатурах политический образ оперирует, в первую очередь, категориями Другого, актуальными на момент изображения. Культуролог Е. Шапинская [Шапинская] выделяет такие виды Другого (далее — Д.): 1) этнический Д. (репрезентации основаны на дихотомии Восток-Запад, ориентальном и постокolonиальном дискурсах); 2) гендерно обусловленный Д. (репрезентации в контексте гендерных исследований, «мужского взгляда»); 3) субкультурный Д. (относительно новый вид, где субкультура — коллективный Д. по отношению к доминантной культуре); 4) экзистенциальный Д. (Д. по собственному выбору); 5) животное как Д. (вид основан на базовой оппозиции природа-культура) [Шапинская I, с. 51–56; Шапинская II, с. 49–55]. Данный инструментальный представляется эффективным для работы с этническим Другим — образом Китая, китайца/азиата, ихэтуаня/«боксер», — и его репрезентациями на страницах периодических изданий России.

Осмысление Ихэтуаньского восстания в российских исследованиях

Существует множество различных точек зрения, фокусов исследования движения И-хэ-туань. Различия в отношении к восстанию в разные времена объясняется контекстом, актуальным для исследователя, его историко-культурной и идеологической рамкой. Время основания движения варьируется в источниках с 1898 по 1899 гг.: первые боксерские волнения произошли в 1898 г. и начались с голодного бунта, в декабре 1899 г. деятельность общества сопровождалась человеческими жертвами, в том числе в 1899 г. «мученической смертью» погиб английский миссионер Брукс: «Этим убийством начинается, собственно, борьба китайцев с иностранцами». Китаевед О. Непомнин отмечает весну 1898 г. как отправную точку движения ихэтуаней. Подъем борьбы наступил уже осенью 1899 г. после обоснования немцев в Цзяочжоу и прокладки ими трассы будущей железной дороги [Непомнин].

М. Бродская выделяет два этапа в развитии движения: 1) с октября 1898 г. по апрель — июнь 1900 г. — этот этап характеризуется сочетанием антифеодальных и антииностранных тенденций; 2) июнь — июль 1900 г. — характеризуется преобладанием в движении антиимпериалистических черт [Бродская]. В сборнике документов и материалов «Восстание ихэтуаней» выделяются три этапа: 1) от начала восстания в провинции Шаньдун до захвата иностранными войсками фортов Дагу — этап самостоятельной борьбы общества с иностранцами; 2) от падения фортов Дагу до капитуляции цинского правительства в августе 1900 г. — этап союза правительства с ихэтуанями и войны Китая с державами; 3) расправа с восстанием, подписание «Заключительного протокола» в сентябре 1901 г. [Калужная].

По одной из версий, организация И-хэ-туань, или «Общество/отряд во имя справедливости и гармонии», и организационно, и идейно считала себя связанной с религиозно-политической сектой Бай-лянь-цзяо («Белого лотоса»), известной своей борьбой в начале XIX в. с маньчжурами за независимость Китая. Другие варианты названия: Да-цюань, или «Большой кулак», и И-хэ-цюань, или «Кулак во имя справедливости и гармонии». Возникшая в шаньдунской провинции, которая служила очагом антииностранных движений, организация, предположительно, была сформирована как последовательница «Общества большого ножа» — Да-дао-хуй: «организация, вышедшая из общества “больших ножей” и принявшая боевое имя “боксеров”, призвало себе на помощь ради успеха борьбы против иностранцев, в дополнение к обычным мускульным упражнениям, еще и особые мистические приемы, известные под именем “гимнастики духов” и практиковавшиеся издавна даосскими религиозными общинами» [Боксерское движение, с. 5–6]. Такая гимнастика производила большое впечатление на крестьянскую массу и породила ряд легенд.

В 1900-е гг. религиозность китайцев воспринималась с интересом. Отношения России и Китая развивались, в Санкт-Петербурге и Пекине работали дипломатические миссии, происходили официальные визиты китайцев в Россию. Одновременно наблюдалось и ухудшение в межгосударственных отношениях, связанное, в том числе с «непоследовательной» политикой императора в отношении Восточной Азии. Д. Схиммельпенник ван дер Ойе пишет, что Николай II пренебрежительно высказывался о «воинских навыках азиатов», верил «в превосходительство русского оружия», выказывал желание «построить империю на Востоке» [Схиммельпенник ван дер Ойе, с. 346]. Россия утрачивала влияние в Китае, уступая свои позиции другим державам.

Согласно работе Китаевода А. Рудакова [Рудаков], прототипом секты послужили религиозные общины, в которых с самого детства мальчики под руководством старших занимались даосской гимнастикой, преследуя цели на почве мистицизма. Девочек с той же целью монахини вводили в тайные сообщества, члены которых искали «философский камень», дающий бессмертие: «средством для всех этих исканий была “даосская гимнастика”, или, правильнее, целый ряд в высшей степени своеобразных движений тела, которые, по признанию даоссов, дают возможность сосредоточиться духу на самом себе, вне влияний места и времени, причем высшая напряженность созерцания вводит отрешившийся от всего земного дух человека в соприкосновение со сверхъестественными силами» [Рудаков, с. 33]. Текст исследования Рудакова составлен на основе результатов экспедиции в Маньчжурию в мае 1900 — январе 1901 гг. Автор выясняет мотивы и направления китайской политики в событиях восстания, чтобы показать, чем на самом деле является «та таинственная легенда, завершившая варварством и потоками крови XIX век, которая известна всюду под именем: “Восстание Большого Кулака”». Рудаков отмечает, что наименование «кулака» общество приняло самостоятельно с целью подчеркнуть угрожающий характер своей деятельности. Название «Боксерское движение» или «движение боксеров» было дано обществу в связи со сходством его с гимнастическими обществами Западной Европы. О. Непомнин сопоставляет название с тем фактом, что даосские физические упражнения, практиковавшиеся в обществе, напоминали кулачный бой; это и побудило иностранцев назвать движение «боксерским». Востоковед В. Дацьшен утверждает, что членов движения называли «боксерами» с подачи представителя общественной организации «Американский совет» в Китае Н. Портера, наблюдавшего в январе 1899 г. культовую практику ихэтуаней [Дацьшен, 2004, с. 217].

По одной из версий, восстание выросло из народного недовольства китайского общества насильственными захватами территорий и распространяющимся иностранным влиянием (одним из главных импульсов столкновения Китая и Запада, несомненно, можно считать распространение христианства. К 1890-м гг. в Китае не оставалось почти ни одной провинции, где не обосновались бы иностранные миссионеры). Начавшаяся после Японо-китайской войны 1894–1895 гг. эпоха так называемой «борьбы за концессии» привела к фактическому разделу Китая. Неспособность китайского правительства противостоять нагиску иностранных порабитителей вызвала, с одной стороны, сильную оппозицию со стороны прогрессивной части бюрократии и буржуазии и, с другой стороны, сильное недовольство масс. Недовольство масс определялось тяжелым экономическим положением, связанным с разоряющим влиянием иностранного капитализма.

К причинам прибавлялась необходимость выплаты компенсаций, постоянный поток миссионеров, а также катастрофическое ухудшение качества жизни в северных провинциях, связанное со стихийными бедствиями, болезнями и засухой. На территории Китая даже распространился слух о том, что европейцы отравляли в колодцах воду. В номере «Шута» 1900 г. встречается упоминание этого слуха: «Пекин. Один китаец уверял, что он видел европейца, что-то сыпавшего китайцам в воду»¹.

Непомнин характеризует движение как реакционное: оно возникло как ответ низов традиционного общества на иностранную экспансию, и идеологически следовало идеям конфуцианства, патриотизма и ксенофобии.

¹ Телеграммы // Шут. 1900. 17/30 июня (№ 25). С. 3.

В 1920-е гг. СССР был открыт для сотрудничества с Китаем. В 1923 г. советским правительством была направлена миссия в Китай, основными задачами которой были установление дипломатических межгосударственных отношений, а также заключение договора, который устранил бы противоречия между СССР и Китаем. Соглашение было подписано в мае 1924 г., а ранее прежние договоренности были аннулированы; в тексте подчеркивалось, что в будущем обе стороны «заменяют их новыми соглашениями на основе равенства, взаимности и справедливости». Однако после объединения Китая под эгидой Гоминьдана межгосударственные отношения между СССР и Китаем ухудшались, что в конечном итоге привело к советско-китайскому вооруженному «конфликту на КВЖД». В 1920-х — начале 1930-х гг. официальными кругами СССР решено было поддержать революцию в Китае.

Как условно национальное протестное движение китайского народа оно нашло свое законченное выражение в Ихэтуаньском восстании: «это движение было протестом отсталых, угнетенных классов китайского феодального общества-крестьянства и городской бедноты», задачами которого стало свержение империализма и обеспечение независимости Китая — так описывается восстание в тексте «Истории революционного движения в Китае...», написанном в 1928 г. Общество обратилось в реакционное движение после занятия Цзяо-чжоу — немцами, Вей-хай-вея — англичанами, Гван-чжоу — французами, Порт-Артура — русскими [Ранний китайский либерализм, с. 3–28].

По другой версии — секта сформировалась на религиозной основе из грабительских шаек. Ряд ограблений в Шаньдунской провинции был связан с последовательными неурожаями. «По свойственной китайцам склонности объяснять все происходящее с ними невзгоды гневом Неба за несоблюдение его предписаний, неурожай и голод в Шандуне также были приписаны разгневанному божеству, оскорбленному действиями чужеземцев в Китае и пассивным отношением к ним китайцев. Среди вчерашних простых грабителей появились лица с проповедью борьбы с иностранцами и очищения от них страны; этим можно было умиловать Небо и вернуть прежнее благосостояние и спокойствие». [Евреинов, с. 3–4] Свидетельства о грабежах появляются еще в 1896 г., но пока связаны с союзом «Дадао» (Больших мечей), который по своим лозунгам и программе имел много общего с ихэтуанями.

Среди девизов и лозунгов общества превалировали «Уничтожим иностранцев и спасем династию» и «Поддержим Цин, смерть иностранцам»; иностранцев, проезжавших по улицам, нередко встречали криками «ша» (убей) [Евреинов, с. 14]. Сущность общества сводилась, по некоторым данным, к «посту, молитве и проделыванию известных телодвижений» [Евреинов, с. 4]. Заклинания и ритуалы, проводившиеся в обществе, а также соединение духовных практик с физическими, были направлены, в первую очередь, на получение сверхъестественных способностей, таких как: «неуязвимость от действий холодного и огнестрельного оружия» и «возможность летать по воздуху» [Боксерское движение, с. 6–7; Рудаков, с. 12].

Сами участники союза представляли положения общества так: «Мы произносим закливания и повторяем слова Будды; мы сжигаем желтую бумагу и возжигаем благовония, призывая святых выйти из своих пещер. Святые покидают пещеры, духи спускаются с гор и, вселяясь в людей, учат их приемам [ихэ]цюаней» [Восстание ихэтуаней, с. 69].

Одной из особенностей общества была программная установка на распространение прокламаций — они должны были уберечь участника от разнообразных бед. Прокламации по большей части были составлены крайне безграмотно и сводились к убеждению населения в том, что «все бедствия происходят от иностранцев, и к обещанию милостей Неба за уничтожение “заморских дьяволов” и за возможно большее распространение экземпляров объявлений» [Евреинов, с. 10]. Например, одна из прокламаций завершалась такими словами: «Кто найдет эту листовку, быстрее передайте ее другим. Передадите одну — избавите от бедствия свою семью, передадите десять — избавите от бедствия всю деревню; не передадите ни одной — будете повешены» [Калужная, с. 178]. В «оповещении» 1900 г. встречаются схожие призывы: «тот, кто передаст другому одно [оповещение], спасет от беды семью, кто передаст другим десять — спасет от бедствия один район. А кто увидит [оповещение] и не передаст другим ни одного, навлечет на себя большую беду» [Восстание ихэтуаней, с. 26–27].

Изначальная позиция императорского двора была озвучена в докладе Чжилийского вице-короля в Пекинской официальной газете, ее в работе «Осада дипломатических миссий в Пекине» цитирует Б. Евреинов: «Правительство относится с одинаковой любовью ко всем подданным, без различия. Предоставляя сельским жителям полную свободу образовывать союзы с целью самозащиты и взаимопомощи по примеру существовавших в древности, оно предписывает, однако, властям строго внушать населению вести себя мирно и спокойно» [Евреинов, с. 11]. Настроение императрицы Цыси в то время выражало полную нерешительность: с одной стороны, мятежники открывали перспективу освобождения Китая от иностранцев, с другой — политика сотрудничества могла оказаться чересчур опасной в случае неудачи.

Кроме того, все антидинастические настроения, воплотившиеся в идеях тайных сообществ, были напрямую адресованы династии Цин (действующее во времена восстания правительство) и могут быть охарактеризованы китайской формулой, которая служила девизом революционных движений в народной жизни Востока: Фу-мин фан-цин, или «Восстановление Минской династии и низвержение Маньчжурской».

Со временем движение выросло из относительно небольшого до национального, и когда приказы против мятежников стали встречать с неприкрытой агрессией, императорский двор открыто перешел на сторону движения. Чуждая Китаю культура Европы казалась многим суеверным лицам сверхъестественным изъятием потустороннего мира, которое приносило на Землю зло, оскорбляло религию и мудрецов Китая. Опасения императорского двора нашли выражение в попытке поставить восстание под контроль и, «прикрываясь знаменем консервативной партии, проповедующей идею: “Китай для китайцев”, — протянуть руку вожакам общества Ихэ-цюаней...». В июле 1900 г. даже выходит указ императрицы «о пожаловании серебра» ихэтуаням за защиту государства и изгнание иностранцев с территории Китая: «хотя фактически это оказалось для нас полной неожиданностью, мы испытываем большое удовлетворение и радость».

Затем, заключив, что политика сотрудничества может привести к еще более негативному отношению к императрице Цыси и двору, власти начинают применять меры против ихэтуаней. В июле в документах появляются «лжеихэтуани» — бандиты, «примазавшиеся к ихэтуаням», — убийцы генерала Цин Хэна и его семьи (здесь движение приобретает антидинастическую окраску). Возможное создание правительством вымышленной группы с названием «лжеихэтуани» свидетельствует о попытках контроля общества и создания видимости власти. С другой стороны, в материалах и документах Ихэтуаньского восстания

встречаются записи о «лжэихэтуанях», написанные членами общества: «настоящие ихэтуани готовы постоять за Китай; лжеихэтуани позорят Китай».

21 июня 1900 г., после вторжения иностранных держав в форт Дагу, империя Цин объявила войну: «Сегодня мы, со слезами на глазах помолвившись в кумирне предков, с волнением приняли присягу войск». Указ официально санкционировал восстание, хотя и стремился поставить действие общества под контроль властей. В этот день вышло сразу несколько приказов императорского дворца, среди которых был, в том числе, приказ о поощрении ихэтуаней. В нем правительство выразило надежду на ихэтуаней в качестве защитников страны, готовых «отдать жизнь за родину». По рассказам очевидцев, к июню 1900 г. уже не было «ни одного города или деревни, где не существовало бы и-хэ-туаней».

Одновременно, представление ихэтуаней о «неуязвимости» начинает подвергаться критике, поскольку с открытием военных действий обществу пришлось объяснять потери товарищей на полях битвы. На первый план здесь выходят философские и мистические убеждения: те, кто предстал перед врагом с плохой нравственной природой, был не готов к бою и заслуживает порицания. Тот, кто выходил невредимым (в особенности, когда одежда оказывалась простреленной), снискивал всеобщее уважение и пользовался репутацией высоконравственной личности. Изначальное обещание ихэтуаней заключалось в том, что «настоящий боксер не мог умереть, а, в случае смерти, должен воскреснуть». Таким образом, ихэтуани не только смогли привлечь на свою сторону народ, склонный к суевериям, но и объяснить потери.

Движение выходит из-под контроля императорского двора и грозит стать не только антииностранным, но и антидинастическим; тогда императрица обращается к сторонникам мира с иностранцами. Китаевед А. В. Рудаков называет такую политику китайского правительства «подпольной деятельностью» Китая против европейцев. Исследователь О. Е. Непомнин разделяет эту точку зрения.

Рудаков считает, что все манипуляции правительства, связанные с поддержкой, а затем порицанием действий общества ихэтуаней, напрямую отражают тот факт, что императорский двор хотел сделать общество главными виновниками происходящего, чтобы в будущем, при переговорах с иностранными державами «оставить себе полную свободу действий, и оправдаться во всех преступлениях, которое оно творило именем И-Хэ-Туань» [Рудаков, с. 33]. Выдержав сражения с китайскими войсками и боксерами, закончившиеся поражением боксеров и самоубийством руководителей, 14 августа соединенные отряды держав вошли в Пекин и сняли осаду с посольства. Одновременно с походом в Пекин началось наступление в Маньчжурии. Под предлогом «возмездия» за насилия боксеров над европейцами, русские оккупировали Маньчжурию [Боксерское движение, с. 18–21]. Накануне взятия столицы Китая императорский двор отправился на «самоизгнание» в Сиань. Патриотическая интеллигенция же предпочла покончить с собой, не смирившись с поражением. Всего, по некоторым данным, в знак протеста захвата Пекина иностранными державами покончили с собой 1798 человек [Дацзышен, с. 225].

В сентябре 1900 г. императорский двор издает указ, в котором виновниками положения становятся ихэтуани: «совершенно ясно, что если мы хотим выкорчевать корни и закупорить источник, то необходимо беспощадно уничтожать [ихэтуаней]» [Восстание ихэтуаней, с. 124.] Силами немецких и английских войск проводились «карательные экспедиции». С сентября 1900 г. по май 1901 г. под руководством фельдмаршала Вальдерзее было осуществлено «46 карательных экспедиций, из них 35 силами только германских войск» [Дацзышен, с. 225]. В конце октября 1900 г. в Пекине начались переговоры Китая с иностранными державами. Пекинская конференция продолжалась почти год; в ее результате был выработан «Заключительный протокол» [Непомнин, с. 500], состоявший из 12 пунктов. Протокол был подписан 7 сентября 1901 г.

Существуют различные точки зрения как на события, развернувшиеся в ходе восстания, так и на роли государств в этих событиях. В работе 1900 г. «Война китайского Большого кулака со всеми державами мира» автор утверждает, что потери англичан и немцев в ходе войны (по сравнению с потерями русской армии) были обоснованы тем, что после японо-китайской войны 1894–1895 гг. в Китай были приглашены военные инструкторы английской и немецкой армий, которые, в свою очередь, научили китайскую армию пользоваться оружием: «... эти нации себе на уме, сочли для себя более выгодным идти в хвосте при этом деле, а русских пустили вперед; в самый огонь» [Глебов, с. 6.]. В номере журнала «Стрекоза» за 1898 г. находится подтверждение этому мнению: «Известно, что Небесная империя выписала к себе, по вольному найму, немецких инструкторов-офицеров, до отставных генералов <...> для обучения китайской армии средним и высшим военным артикулам на немецкий манер»¹.

Так же и в очерке «Чем кончится Китайская война?» встречается подобная формулировка связи Китая и европейских держав: «... в последние четыре года китайцы, на занятые у европейских банков деньги, накупили усовершенствованного оружия, поучились стрелять у европейских инструкторов и вообще стали несколько выше в военном смысле» [Чем кончится Китайская война, с. 5.]. Согласно этой точке зрения, некоторые державы не только понесли меньшие потери, но и изначально выступили как создатели общества Ихэтуань: «И так Англия обманула всех и во всем и создала в Китае “Большого кулака”, этого фанатика — патриота китайского, который под видом того, что он идет спасать свое отечество от иностранцев, направила его почти исключительно против миролюбивой политики России» [Глебов, с. 7].

В начале 1902 г. императорский двор во главе с Цыси вернулся в Пекин. Независимость обретенная не была, Ихэтуаньское движение со своей задачей не справилось. Начавшееся капиталистическое развитие оказалось невозможным развернуть вспять: ихэтуани и китайское правительство не смогли противопоставить «капиталистической культуре и технике <...> ничего, кроме мистических заклинаний И-хэ-туань, стальных пик и кремневых ружей» [Ранний китайский либерализм, с. 3]. Кроме того, восстание нанесло вред и учению Дао: в 1900 г. во время беспорядков сгорели доски, с которых печатался «Дао цзан», в результате чего остался только один полный вариант «Канона»².

Движение не только не покончило с колониальным порабощением, а, напротив, ускорило этот процесс. «События последних лет на Дальнем Востоке распахнули настежь двери в Китае. Чрез эти двери по всей стране пронесся ураган, вслед за которым вошла прикрываемая европейскими пушками и штыками европейская цивилизация»³. Раздел Китая на «зоны монопольных интересов» полностью сохранился, Китай превратился в полуколонию. Пекин был разделен иностранным командованием на

¹ «Вежкие злые дяди» // Стрекоза. 1898. 7 июня (№ 23). С. 2

² «Дао цзан» — общий свод даосской религиозной и философской литературы; Торчинов Е. А. Даосизм. «Дао-Дз цзин» / пер. Е. А. Торчинова. СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2004. С. 40, 56

³ Корсаков В. В. В старом Пекине: очерки из жизни в Китае. С. V.

подведомственные державам территории. Существовали зоны Англии, Японии, США, Германии, России, Италии, Франции, Бельгии, Австро-Венгрии [Калужная, с. 322]. Движение ихэтуаней усугубило и политическое, и экономическое закабаление Китая, привело к серьезному ухудшению его статуса, существенно ослабило способности страны сопротивляться усилившейся экспансии Запада [Непомнин, с. 501].

Репрезентации восстания встречаются как в литературе 1900-х гг., так и в периодической печати: в трудах сотрудников научно-просветительских и образовательных организаций, опубликованных в печатной периодике, в профессиональных изданиях, а также в газетах и журналах, предназначавшихся широкой читательской аудитории.

Подводя итог, необходимо отметить, что в 1890 г. в России выходило 796 периодических изданий разного типа, различных направлений. За период 1891–1901 гг. возникло 794 новых газет и журналов. В журналах публиковались материалы по истории, философии, политике и экономическому развитию Китая, составлялись заметки о научных познаниях, обычаях и нравах, живописи и литературе, архитектуре китайского народа. Такие публикации, основанные на разнообразном фактическом материале, давали общее, но вполне адекватное, представление о состоянии различных сфер китайской жизни в XIX—XX вв. Благодаря периодике российский читатель наблюдал за тем, как «азиатский мир знакомился с европейским»¹. Отражение событий японо-китайской войны 1894–1895 гг. и участия европейских стран и России в подавлении восстания ихэтуаней развеяли образ Китая как мира идеального: «Никто не предполагал, что народ, смиренно подчинявшийся до сих пор всевозможным европейским требованиям и угрозам, поднимется вдруг с такою яростью против иностранцев и бросит дерзкий вызов соединенным великим державам культурного мира»².

Разрушая образ сказочного мира, издания широкого тематического профиля предлагали взглянуть иначе на жизнестойкий китайский опыт, мудрость древней философии, осторожное отношение к переменам. Карикатуры, напечатанные на страницах периодики, создают картину «политической жизни страны» [Варшавский, с. 10]. Это источник, которому нет места в музее, но есть место в жизни общества. Карикатура — это самостоятельный, специфически информационный продукт, выраженный в знаковой форме, основной целью которого является репрезентация объектов с помощью преувеличения и достижение комического эффекта. Политическая карикатура может быть описана с помощью категорий «Другого» (противопоставление хорошим, правильным «своим» / этническим «своим» / гендерным «своим» и др.), «врага» (нелепого, глупого и омерзительного) и даже может использоваться в качестве инструмента пропаганды.

Наиболее устойчивыми и распространенными представлениями о Китае в России были следующие:

— восприятие Китая как деспотической империи, застывшей во времени (в работах Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, В. С. Соловьева, П. Я. Чаадаева, Э. Э. Ухтомского, И. Г. Гердера и др.);

— представление о Китае как о мистической, уникальной цивилизации со своеобразной культурой, философией (в трудах Н. Г. Спафария второй половины XVII в., Н. Я. Бичурина начала XIX в. и др.);

— восприятие Китая как слабого государства, подверженного колониаторским амбициям и как страна, которую необходимо спасти — это представление связано с дискурсом дихотомии Восток-Запад, понятиями ориентализма («окультуривание» Китая, попытки внедрения христианских идей как цель дипломатических миссий).

Контекст антииностранного восстания ихэтуаней (1898–1901 гг.) добавляет к сложившемуся образу новые черты. Эти черты отражают как суть движения Ихэтуань, так и отношение к движению авторов текстов и изображений (в литературе, периодике). Обращаясь к иллюстрированным и сатирическим журналам необходимо обратить внимание на форматы, с помощью которых в журналах представлена вербальная и невербальная информация. Карикатура, включая в себя сразу множество значений, в отличие от исторического очерка или научной статьи опознается и воспринимается зрителем-читателем практически моментально. Как креолизованный текст карикатура может композиционно содержать в себе разное соотношение вербальной и невербальной информации, а также обладать предлагать один из трех или сразу несколько видов информации (по прагматическому назначению). Карикатура опирается на разделяемые представления и стереотипы, характерные для визуального кода культуры аудитории. Информация, заложенная в карикатуре, иллюстрирует как закрепленные ранее представления о том или ином явлении, так и может формировать новые стереотипы, задаваемые значениями контекста.

Литература

Барт — Барт Р. Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 351 с.

Боксерское движение — Боксерское движение // История революционного движения в Китае в XIX и XX веках. М.: Мосгублит (Стеклография КУТК), 1928. 33 с.

Бродская — Бродская М. Ф. Народное движение в Китае под руководством общества Ихэцюань (1898–1901 гг.): Тезисы дисс. канд. ист. наук. Л., 1947. 3 с.

Варшавский — Варшавский Л. Р. Наша политическая карикатура. М.: Худ. изд-ское акц. о-во АХР, 1930. 112 с.

Военные события в Китае — Военные события в Китае (1900–1901 гг.) / пер. подполк. П. В. Будзако. СПб.: Вестник иностр. воен. лит.; тов-во худ. печати, 1902. 179 с.

Восстание ихэтуаней — Восстание ихэтуаней. 1898–1901: Документы и материалы. М.: Наука, 1968. 276 с.

«Враг номер один»... — «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. М.: Аспект Пресс, 2023. 397 с.

Гальперин — Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 141 с.

Глебов — Глебов С. И. Война китайского Большого кулака со всеми державами мира. СПб.: изд-во книгопродавца А. А. Холмушина, 1900. 30 с.

Головина — Головина Л. В. Креолизованный текст: закономерности построения // Речевое общение: цели, мотивы, средства.

¹ Коммерческий музей в Китае // Всемирный путешественник. № 11. 1897. С. 175. (цит. по: Благород Ю. Г. Китай в Российской периодической печати второй половины XIX — начала XX в.: эволюция представлений в изменяющихся исторических условиях: дисс. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. С. 259.

² Иностранное обозрение (1 августа 1900) // Вестник Европы. История — политики — литературы. 1900. Т. IV. Кн. 8. С. 819.

М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1985. С. 45–88.

Дацьшен — Дацьшен В. Г. Новая история Китая. Благовещенск: Изд-во Благовещен. гос. пед. ун-та, 2004. 346 с.

Дульский — Дульский П. М. Графика сатирических журналов, 1905–1906 гг. Казань: Первая гос. тип., 1922. 103 с.

Евреинов — Евреинов Б. Н. Осада дипломатических миссий в Пекине. Май — август 1900 г. СПб.: тип. В. Ф. Киршбаума, 1912. 87 с.

Журавлева — Журавлева В. Русский «Другой» в американской политической карикатуре: от века XIX к веку XXI // Вестник РГГУ. 2012. № 7. С. 64–96.

Калюжная — Калюжная Н. М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). М.: Наука, 1978. 363 с.

Непомнин — Непомнин О. Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. 712 с.

Основы оформления советской книги — Основы оформления советской книги. М.: Искусство, 1956. 502 с.

Путешествие государя — Путешествие государя императора Николая II на Восток (в 1890–1891). Т. II. В 2 ч. / авт.-изд. Э. Э. Ухтомский, ил. Н. Н. Каразина. СПб.— Лейпциг: тип. Ф. А. Брокгауза, 1895. Ч. III: 228 с.; Ч. IV: 247 с.

Путешествие на Восток — Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Т. I. В 2 ч. / авт.-изд. Э. Э. Ухтомский, ил. Н. Н. Каразина. СПб.— Лейпциг: тип. Ф. А. Брокгауза, 1893.— Ч. I.— 242 с.; Ч. II.— 230 с.

Ранний китайский либерализм — Ранний китайский либерализм. (Эпоха «ста дней») // История революционного движения в Китае в XIX и XX веках. М.: Мосгублит (Стеклография КУТК), 1928. 30 с.

Рудаков — Рудаков А. В. Общество И-хэ-туань и его значение в последних событиях на Дальнем Востоке. По официальным китайским данным / А. В. Рудаков. Владивосток: пар. типо-лит. Т-ва Суцинский и Ко, 1901. 77 с.

Русская карикатура — Русская карикатура, 1812–1985: из книг Владимира Лисина. М.: Книги wam, 2006. 295 с.

Русская периодическая печать: Справочник. В 2 т. (1895 — октябрь 1917). М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2. 351 с.

Схиммельпенник ван дер Ойе — Схиммельпенник ван дер Ойе Д. Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией / Д. Схиммельпенник ван дер Ойе; пер. с англ. Н. Мишаковой. М.: НЛО, 2009.

Цыкалов — Цыкалов Д. Е. Карикатура как орудие пропаганды в период Первой мировой войны // Вестник ВолГУ. Серия 4, Ист. 2012. № 1 (21). С. 85–90.

Чем кончится Китайская война — Чем кончится Китайская война? Популярный очерк Русского политика. СПб.: пар. типо-лит. М.: Розеноер, 1900. 16 с.

Шапинская I — Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 51–56

Шапинская II — Шапинская Е. Н. Образ Другого в текстах культуры: политика репрезентации (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 3. С. 49–55

References

Bart — Bart, R. *Mifologii* [Mythology]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2008, 351 p. (in Russian)

Bokserskoe dvizhenie — Bokserskoe dvizhenie [The boxing movement]. *Istoriya revolyucionnogo dvizheniya v Kitae v XIX i XX vekah*, Moscow, Mosgublitt (Steklografiya KUTK), 1928. 33 s.

Brodskaya — Brodskaya, M. F. *Narodnoe dvizhenie v Kitae pod rukovodstvom obshchestva Ihecyan' (1898–1901 gg.)* [The People's movement in China under the leadership of the Ihequan Society (1898–1901)]: Tezisy diss. kand. ist. Nauk, Leningrad, 1947, 3 p. (in Russian)

Varshavskij — Varshavskij, L. R. *Nasha politicheskaya karikatura* [Our political caricature], Moscow, hud. izd-skoe akc. o-vo AHR, 1930, 112 p. (in Russian)

Voennye sobytiya v Kitae — Voennye sobytiya v Kitae (1900–1901 gg.) [Military events in China (1900–1901)], Saint-Petersburg, Vestnik inostr. voen. lit.; tov-vo hud. pechati, 1902, 179 p. (in Russian)

Vosstanie ihetuanej — Vosstanie ihetuanej. 1898–1901: Dokumenty i materialy [The rebellion of the Yihetuans. 1898–1901: Documents and materials]. Moscow, Nauka, 1968, 276 p. (in Russian)

“Vrag nomer odin” — “Vrag nomer odin” v simvolicheskoy politike kinematografij SSSR i SShA perioda holodnoj vojny [“Enemy number one” in the symbolic policy of the cinematographies of the USSR and the USA during the Cold War], Moscow, Izdatel'stvo “Aspekt Press”, 2023, 397 p. (in Russian)

Gal'perin — Gal'perin, I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research], Moscow, Nauka, 1981, 141 p. (in Russian)

Glebov — Glebov, S. I. *Vojna kitajskogo Bol'shogo kulaka so vsemi derzhavami mira* [The war of the Chinese Big Fist with all the powers of the world], Saint-Petersburg, izd-vo knigoprodavca A. A. Holmushina, 1900, 30 p. (in Russian)

Golovina — Golovina, L. V. *Kreolizovannyj tekst: zakonomernosti postroeniya* [Creolized text: regularities of construction]. *Rechevoe obshchenie: celi, motivy, sredstva*, Moscow, in-t yazykoznanija AN SSSR, 1985, p. 45–88. (in Russian)

Dacyshen — Dacyshen, V. G. *Novaya istoriya Kitaya: ucheb. posobie dlya studentov special'nostej 020700 “Istoriya”, 032600 “Istoriya”, 021700 “Filologiya (kit. yaz.)” vuzov regiona* [New History of China: textbook. manual for students of specialties 020700 “History”, 032600 “History”, 021700 “Philology (Chinese)” of universities of the region] / M-vo obrazovaniya i nauki Ros. Federacii, Blagoveshchen. gos. ped. un-t, Blagoveshchensk, Izd-vo Blagoveshchen. gos. ped. un-ta, 2004, 346 p. (in Russian)

Dul'skij — Dul'skij, P. M. *Grafika satiricheskikh zhurnalov, 1905–1906 gg* [Graphics of satirical magazines, 1905–1906], Kazan', Pervaya gos. tip., 1922, 103 p. (in Russian)

Evreinov — Evreinov, B. N. *Osaada diplomaticheskikh missij v Pekine. Maj — avgust 1900 g/* [The siege of diplomatic missions in

- Beijing. May — August 1900], Saint-Petersburg, tip. V. F. Kirshbauma, 1912, 87 p. (in Russian)
- Zhuravleva — Zhuravleva, V. Russkij “Drugoj” v amerikanskoj politicheskoj karikaturistike [The Russian “Other” in American Political Cartoons: from the 19th Century to the 21st Century]. *Vestnik RGGU*, 2012, no. 7, p. 64–96. (in Russian)
- Kalyuzhnaya — Kalyuzhnaya, N. M. Vosstanie ihetuanej (1898–1901) [The Uprising of the Ichetuans (1898–1901)], Moscow, Nauka, 1978, 363 p. (in Russian)
- Nepomnin — Nepomnin, O. E. *Istoriya Kitaya: Epoha Cin. XVII — nachalo XX veka*. [The history of China: The Qing Epoch. XVII — the beginning of the XX century], Moscow, Vost. lit., 2005, 712 p. (in Russian)
- Osnovy oformleniya sovetskoj knigi — *Osnovy oformleniya sovetskoj knigi* [Fundamentals of the design of the Soviet book], Moscow, Iskusstvo, 1956, 502 p. (in Russian)
- Puteshestvie gosudarya imperatora — *Puteshestvie gosudarya imperatora Nikolaya II na Vostok (v 1890–1891)* [The journey of the Sovereign Emperor Nicholas II to the East (in 1890–1891)]. T. II. V 2 ch. / avt.-izd. E. E. Uhtomskij, il. N. N. Karazina. Saint-Petersburg, Lejpcig, tip. F. A. Brokgauza, 1895, ch. III, 228 p, ch. IV, 247 p. (in Russian)
- Puteshestvie na Vostok — *Puteshestvie na Vostok Ego Imperatorskogo Vysochestva gosudarya naslednika cesarevicha, 1890–1891* [Journey to the East of His Imperial Highness the Sovereign heir Tsarevich, 1890–1891.]. T. I. V 2 ch. / avt.-izd. E. E. Uhtomskij, il. N. N. Karazina. Saint-Petersburg, Lejpcig, tip. F. A. Brokgauza, 1893, ch. I, 242 p, ch. II, 230 p. (in Russian)
- Rannij kitajskij liberalizm — Rannij kitajskij liberalizm (Epoha “sta dnei”) [Early Chinese liberalism. (The epoch of the “hundred days”)]. *Istoriya revolyucionnogo dvizheniya v Kitae v XIX i XX vekah*, Moscow, Mosgublits (Steklografiya KUTK), 1928, 30 p. (in Russian)
- Rudakov — Rudakov, A. V. *Obshchestvo I-he-tuan’ i ego znachenie v poslednih sobytiyah na Dal’nem Vostoke. Po oficial’nym kitajskim dannym* [The I-he-tuan society and its significance in recent events in the Far East. According to official Chinese data], Vladivostok, par. tipo-lit. T-va Sushchinskij i Ko, 1901, 77 p. (in Russian)
- Russkaya karikatura — *Russkaya karikatura, 1812–1985: iz knig Vladimira Lisina* [Russian caricature, 1812–1985: from the books of Vladimir Lisin], Moscow, Knigi wam, 2006, 295 p. (in Russian)
- Russkaya periodicheskaya pechat’ — *Russkaya periodicheskaya pechat’*: Spravochnik V 2 t. T. 2 (1895 — oktyabr’ 1917) [Russian periodical press: Reference book Moscow, Gospolitizdat, 1957, 351 p. (in Russian)
- Skhimmelpennink, van der Oje — Skhimmelpennink van der Oje, D. *Navstrechu Voskhodyashchemu solncu: Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k vojne s Yaponiej* [Towards the Rising Sun: How Imperial Myth-making led Russia to war with Japan], Moscow, NLO, 2009, 419 p. (in Russian)
- Cykalov — Cykalov, D. E. Karikatura kak orudie propagandy v period Pervoj mirovoj vojny [Caricature as a propaganda tool during the First World War]. *Vestnik VolGU. Seriya 4, Ist*, 2012, no. 1 (21), p. 85–90. (in Russian)
- Chem konchitsya Kitajskaya vojna — *Chem konchitsya Kitajskaya vojna? Populyarnyj ocherk Russkogo politika* [How will the Chinese War end? A popular essay of a Russian politician], Saint-Petersburg, par. tipo-lit, Moscow, Rozenoer, 1900, 16 p. (in Russian)
- Shapinskaya I — Shapinskaya, E. N. Obraz Drugogo v tekstah kul’tury: politika reprezentacii (nachalo) [The Image of the Other in the texts of culture: the Politics of representation (beginning)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2009, no. 3, p. 51–56. (in Russian)
- Shapinskaya II — Shapinskaya E. N. Obraz Drugogo v tekstah kul’tury: politika reprezentacii (okonchanie) [The Image of the Other in the texts of culture: the Politics of representation (end)]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2009, no. 3, p. 49–55. (in Russian)